

ВЯЧЕСЛАВ ПАНКРАТОВ

ЭНТРОПИЯ НАЧАЛ

16+

Вячеслав Панкратов

Энтропия начал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63124503

SelfPub; 2021

Аннотация

Поэзия и одновременно – исследование жизни, повествование и одновременно анализ судьбы, – три «повести конца шестидесятых», как обозначил ее автор, связанных общим героем и общим сюжетом, которые возвращают нас в недавнее прошлое, чтобы сравнить, понять и оценить, происходящее сегодня.

«Где начало того конца, которым оканчивается начало?» – шутит автор в начале книги, и сразу предупреждает словами великого Нильса Бора: «Есть вещи в жизни настолько серьезные, что о них можно говорить только шутя». Так, иногда шутя, но чаще серьезно, в пространстве от Санкт-Петербурга до Приамурья, от Сибири и до Средней Азии разворачивается сюжет книги и судьба героя, молодого инженера-испытателя, отвечая на всегда главный для людей вопрос: «Как жить дальше?»

И жить, не просто существуя, а творя новое и меняя наш мир в лучшую для нас сторону.

Содержание

Справка	6
Повесть 1	11
1. Представление героя, или Баллада о том, как говорить короче	12
2. Горечь, или Начало четвертое	16
3. Изохора инженерии[1]	22
Отступление	22
NB!	24
Ассоциация	27
В Ка-Бэ	28
Ату его!.. Ату!	30
Неофициальная точка зрения на всеобщее увлечение и любовь Генсека конца 60-х XX века	32
Работа	35
4. Предохранительные клапаны	38
№ 1	38
№ 2	39
№ 3	40
№ 4	42
Резюме	43
Постановка вопроса	43
5. Кто же мы, или Портрет одиночества в	46

интерьере большого города	
Маме	50
Печаль	50
Я – Я?	52
6. Порыв	56
Разговор не с книгопродавцем о поэзии	56
К музе	58
Инфляция	59
Метель	60
7. Осознание	63
Другу	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Вячеслав Панкратов

Энтропия начал

ТРИ ПОВЕСТИ КОНЦА ШЕСТИДЕСЯТЫХ
(ИССЛЕДОВАНИЕ В СТИХАХ)

*В оформлении издания использованы фрагменты картин
Григория Майофиса (Санкт-Петербург)
Авторские права защищены. ISBN 5-7199-0240-6*

Справка

«Где начало того конца, которым оканчивается начало?»

Логическая шутка

Энтропия – понятие в физике,
Характеризующее способность к превращениям,
В применении к общественной жизни
О-пределяет способность к движению.

Если имеется неустойчивость системы,
Последняя начинает куда-то стремиться.
Пример: формацию давят стены,
Формация, сжимаясь, стремится расшириться.

Когда энтропия становится минимальной,
Вспыхивают войны и революции.
Если масштабы не столь глобальны,
Страсти уравновешиваются поллюциями.

Конечно же, поллюции – разнородны,
Причины – генеалогия и реальности развития:
Один примат бросится в Обводный,
Другой – напишет новые «Жития».

Но все при том: социальные ритмы,

Войны, приливы, Ноты и Форумы
Можно описывать алгоритмами,
Схемами, матрицами и формулами.

Количественные накопления и новые качества,
Качества, накапливающие новые количества,
Чьи-то поиски, чьи-то чудачества,
Даже сомнительное человеческое величие, —

Все это, льющееся в звездных донностях,
Перерождающееся уверенно или ощупью,
Можно оценивать гораздо короче
Уровнем ЭНТРОПИИ, как меры
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.

«Профессор, снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу о времени и о себе».

В. Маяковский

– ЭНТРОПИЯ:

В физике – мера неустойчивости системы тел,

В теории информации – мера неопределенности ситуации,

В медицине – заворот век внутрь
(неприятное ощущение, не правда ли?)

Отсюда – **ПРЕАМБУЛА** :

Неопределенность дарю другим,
Чувства сжались конкретнее созвездий.

Сегодня резким изгибом дуги
Зовет непреложность действия.

В каждой тени, в луче случайном,
В поисках слов изысканно-неизысканных,
В каждом сорвавшемся вздохе отчаянья
Слышу потребность высказаться.

Прожитого, кажется, хватит на двоих;
Среди увлечений и многих влюбленностей
Встаю строгий, в глазах моих —
Резкостью жизни воспитанная непокорность,

Резкостью дней, где памятью скоплено
От кочегарок до стен министерских,
Где ритмы жизни плясали синкопами,
А ритмы мыслей – контрастными скерцо,

Где путались в выводах социологи,
Где праздность шарахалась от впечатлений,
И, как грибы, росли футурологи,
Интерпретируя действия мнением.

.....

...Сегодня многим некогда думать, —
Слишком торопятся быть и хватать,
В экстазе рвачеств и пошлых бумов
Чаще чужого не щадя живота

Планы печатников пучатся от идей
Полиграфией цветастых изданий,
Но сквозь страницы – избытки людей
Слишком далекие от дерзаний.

(Где-то, как-то случайно оформленные,
Как застрахованные на сотни лет,
И носят на лицах, как униформу
Маску: лояльность и интеллект).

А между ними в бодрой удушливости —
Мелко снующие по информации,
Каждый – со степенью простодушия
От инфантильности до аберрации.

Множество судеб, отвергших стоящее:
Клошары Парижа и панки Америки,
Сверхубежденные с глазами горящими,
От микрофилософов до макроистериков,

Толпы, идущие со знаменами,
Толпы, наляпывающие свастики,
И толпы, заведомо обреченных
На обворованность и схоластику...

В век, уставший от аритмии,
Поп-утверждений и поп-порицаний,
Даже пастыри мимикрии
Не чуждаются отрицаний,

А молодость ищет себя на бегу,
Бросаясь в крайности догм и сомнений.
Вы оглянитесь – на каждом шагу
Бьется динамика становления:

Нервом, разумом, усилием воли,
Горем, падающим на плечи,
Всем, что радостно и что больно,
Всем, что свойственно человечеству,

Всем, что есть его бытие
В этой вечной стихии действия,
Всем, что движется и поет,
Откровенничает и лицедействует...

...Профессор, наденьте очки-велосипед,
Пора рассмотреть историю в себе.

Еп – внутрь, **троп** – поворот,
Итак – поворот внутрь...

Повесть 1

Энтропия сознания

(Опыты внесистемного анализа)

*Так ищешь мысль и точность слова ищешь,
Так пересматриваешь лепестки сказаний
И лепку формул, жестких, как базальт...
Так женщины лицо все время ищешь
В толпе, которая течет перед глазами,
Шурша подошвами о городской асфальт.*

1. Представление героя, или Баллада о том, как говорить короче

«Есть вещи в жизни настолько серьезные, что о них можно говорить только шутя».

Нильс Бор.

Был маленький мальчик, не очень, но
Он в школу ходил, то в ботинках, то в валенках,
учил воспитательно-трезвые нормы,
науки и литературные формы.

Затем был мальчишка с глазами романтика,
который, как света, хотел приключений
(он часто косился на девочек с бантиками
и очень стыдился своих ощущений).

Затем он – студент современного вуза,
Такого, куда не пускают без «допуска»,
Откуда не вынесешь знаний и груза
Без строго режимного, в штампиках, пропуска
(Конечно, влюблен и, конечно же, очень
вопросом любви весьма озабочен.)

Затем он – работник большого завода
(Там делают нечто «на пользу народа»,
как в том анекдоте, где, как ни выплясывай,
все пулемет выходил из коляски).

Работал технологом и инструктором,
Затем испытателем был и конструктором,
Конечно же, выдвинут руководителем,
Конечно, повышен и стал Представителем...

Конечно, женат и, конечно же, очень

Вопросом семьи, как и все, озабочен,
Поскольку семья – было вдолблено страстно —
«Является главным столпом Государства!»
(Хотя Государство и прежде не очень-то
Бывало об этом «столпе» озабочено).

Он пробовал многое, многое делал,
Но, как оказалось, собою он не был,
Поскольку (мы все это позже узнали)
Жил не по своей, а по чьей-то морали.

Пришлось разбираться от «А» и до «Я»
Зачем, почему развалилась семья,
И как был мальчишкой, и как стал мужчиной,
И в чем заключаются первопричины.

Когда разобрался, развел он руками
И в первом порыве царапать стихами
(Случалось и прозой, но, видимо, проза
Для душ успокоенных более создана.

А здесь, ну откуда ж набраться спокойствия?
Работа – расстройство, надежды – расстройство,
Друзья, да и те окопались в квартирах
С отдельными ванными и сортирами.

Ну, словом, – ни вправо, ни вверх, и ни влево...
Тут робкий невольно окажется смелым
И резво начнет, то гремя, то стихая,

Открытия жизни работать стихами.)

...Но если серьезно, то было все проще:
Был мальчик с глазами, раскрытыми очень,
Был парень с душой, распахнутой дружбе,
Не думал о власти, карьерах и нуждах,

Мечтал о любви, о работе, и странствиях,
О творчестве и покоренных пространствах...
(И право, мы в жизни весьма простодушны,
пока к кадыку не подступит удушье.)

Возможно, здесь стоит расплыться по функциям:
Анализ эпох, социальных конструкций,
Война, недостатки систем воспитания,
Казенные догмы, культ личности Сталина,
И многое разное, многое прочее,
Что часто прикрито большим многоточием
.....

Но стоит ли?.. Можно сказать и короче:
Был мальчик с глазами,
и не было ГОРЕЧИ

*«Нужно быть уж очень глупым человеком,
чтобы под воздействием любви, злобы или нужды
нисколько не поумнеть».*

Жан де Лабрюер.

2. Горечь, или Начало четвертое

*Есть три начала в каждой жизни
Работа, музыка, любовь...*

* * *

Как же, Зависть, я тебя не замечал?
Тонны завязей ты пустила по ночам,
Груды мелочных продуманных смешков,
Как укусы комариные, с душком.

Укусить. Какая сладость – укусить!
От красивого, что сам ты не красив,
От глубокого, что сам ты не глубок:
Пусть не Бог он, но и я-то, ведь, не Блок.

Откусить кусочек свежего, хватить!
Жизнь такая, жизнь, ее не упростить:
Сам не взял, – и ни путей, и ни орбит,
А рубашка – та, что к телу – так свербит,
И ворочает подушка в голове
Как другого облапошить по судьбе...

Как же, Зависть, я тебя не замечал?...

* * *

Ударила,
хлыстом ударила,
скребком по нервам.
По горлу – спазмами,
глаза – ошпарило,
сломалось небо.

И корчишься
один по комнате —
стена косая:
Мужчина, к выдержке!
Мужчина, полноте!
Душа – босая.

А ты-то думал,
а ты-то верил,
а ты-то – в стойки!
Лови, тетеря,
считай потери,
складируй в стопки!

Ты думал, честностью?
Ты думал, мужеством?

Наивный варвар!..
И лампа резкостью
над глазом кружится,
вопящей фарой.

Ах, вести-вести!
Вы как-то падаете
на ту же рану.
И вас не вывести
ни четкой формулой,
ни просто бранью.

И снова тянет
забиться в угол,
чтоб жестче было.
И снова пахнет
из кухни супом
и баннным мылом.

Очнешься утром
слепцом распятым,
в колодах схем.
Всю ночь болтаешься, как на канате,
болванчиком в пустом квадрате,
в колодце стен.

Выстрелы, залпы, очереди...
Вселенная! Ты откликнись!
Очереди бьют по ночи,
по веткам и по листьям.

Воздух расстрелян в клочья,
люди, словно подточенные,
падают – и корчатся,
падают – и кончено.

Стук в виске – как прошивка:
четкий лающий звук
из вороненой машинки,
из тренированных рук.

Очереди, очереди, очереди,
не зрелища, не сенсации...
Когда ж в этом мире кончатся
карательные операции?

Газеты, блицы, иллюзии...
Ублюдки, вы не устали ли?
Все еще бьете по людям
догмами и уставами,

Вдоль по надеждам и счастьям —
точками и аккордами.
В мире, где все – с зачатия,
корчится крик аборта.

Якиры, Джордано Бруно,
Линкольны и Маяковские...
Погибших не спрячешь в урны,
Не хватит стены кремлевской.

Репрессии – как осколочный,
детдомы – как лепрозории,
море талантов исстрочено
из жизни и из истории.

Очереди, очереди, очереди,
Посмертные реабилитации...

Какие изгибы... творчества
в карательных операциях!

* * *

А Никита... Ну и прочность!.. Ну и зад!..
В стул вкопался, словно МАЗ на тормозах!

Волос – ежиком, очкастые глаза,
Слов – потоки, джемпер – фирмы «COLOSA»!

Но в болтливости не скажет: «Чепуха».
Он, Никита, осторожней дурака.
Он, Никита, – словно трудный поворот,
Он за зад боится долго наперед,

И не знать ему до гробовой доски
Ни болей, ни мук и ни тоски, —
Только страхи за Никито-зад.
«Неча» боле про него «скажут».

НО ЭТО УЖЕ ДРУГАЯ ТЕМА.

3. Изохора инженерии¹

Отступление

Впрочем, с энтропией не все так просто.
Введенная в обиход в 19-м веке
Она привела своих создателей
К мысли о тепловой смерти вселенной.

К счастью со вселенной все разрешилось,
И физики постепенно успокоились,
Но термин перевалил в другие науки
Вместе с одним интересным казусом.

Если сейчас заглянуть в словари,
То можно узнать, что энтропия в физике —
Мера неустойчивости системы тел,
В теории информации – неопределенности ситуации,
А в медицине – заворот век внутрь.

¹ Изохорный процесс (процесс, протекающий в постоянном объеме) графически описывается прямой вертикальной линией изменения давления; других изменений внутри системы не происходит. Для предотвращения взрыва при повышении давления в системе устанавливаются предохранительные клапаны.

Но, если энтропия – мера неопределенности,
То отсюда следует вывод:
Чем меньше энтропия, тем меньше неопределенность,
Чем больше энтропия, тем – больше.

Однако все обстоит прямо обратно:
Чем больше энтропия, тем меньше неопределенность,
Чем больше энтропия, тем больше устойчивость, —
И это вполне доказывается формулой,
Которую придумали термодинамиками.

Понять такое вряд ли просто,
Но принципы установления терминологии,
Определения «числитель-знаменатель», «да» – «нет»
И отрицание... отрицания —
Настолько неопределенны, что часто проще
Запомнить, как это принято в физике:
Чем меньше энтропия, тем больше неустойчивость,
Чем больше энтропия, тем – меньше.

В конце концов, не только числитель,
Определяет величину характеристики,
«Да» и «нет» удивительно часто
Оказываются своими противоположностями,
А отрицание отрицания, как известно,
Снова приводит нас к утверждению.

В этом – двойственность энтропии
С ее обратной зависимостью, показывающей,

Что: отрицание одного – утверждение другого,
Любое утверждение есть отрицание,
А любая неопределенность (и очень часто!)
Это – вполне определяемая определенность.

Отсюда следует старая истина,
Что мир наш не однозначен в реалиях,
Что все в нем колеблется в долгих пределах,
Перевоплощаясь с лица наизнанку.

И если даже порой нам кажется,
Что где-то мы приближаемся к истине,
То следует помнить, что ВРЕМЯ истины —
Это всего лишь МОМЕНТ во ВРЕМЕНИ.

NB!

...Изо-хора,
Вверх – вниз.
Как ртуть в термометре:
В столбике – жизнь.
Вверх – вниз,
Пока – не разобьется.

Треугольник еще не знаком геометрам,
Пространство еще создается.
Вверх – вниз, вверх – вниз, —

По вертикали бьется.

Изо-хора —

Как лифт в шахте:

Наладка, пуск, —

Непосвященный ахнет:

Как четко работает механизм!

Понедельник – вверх, пятница – вниз.

Поверите ли?...

Мальчик дотянулся, открыл двери,

Нажал кнопку,

И началось в железной коробке —

Вверх и вниз по изохоре,

Танец механизированной Терпсихоры:

Девять утра – вверх,

Шесть вечера – вниз.

Очнись!

Чертежи, схемы, согласования,

Задачи разрушения и созидания,

Вечерние развлечения,

профсоюзные собрания...

Что ты раскис?.. Мало зарплаты?

Повышение категорий —

Предохранительный клапан.

Вверх – вниз, вверх – вниз, —

Весело, как качели!..

Сумели ли, не сумели?...

Книги, театры, дети, постели,
Любови, семьи и птичьи трели,
Недели жизни, простраций недели
И нервы, натянутые на пределе,
Зажаты в железно-стеклянном теле,
Где можно видеть, но сдвинуться – еле,
Как в гипсе.

Запаянные свирели
Уже давно ничего не пели,
Потухшие чувства давно онемели,
И мысли едва лишь мерцают на темени
глухой атрофией реприз.

И так постепенно,
С инертностью гелия
Осадком спускаешься вниз.

Что ты раскис?
Мы так сумели.
И мы мерцали, и мы терпели,
И мы отпотели то, что имели:
Отпуска, дома отдыха, санатории...

Сколько наслушаешься историй,
Двигаясь вверх и вниз по Изохоре!..

Пенсия?.. Пенсия.

Ассоциация

И просто так, без долгих слов...

Иосиф Уткин. Расстрел.

И просто так, без дальних слов,

Как будто жил и не жил...

(За частоколами стихов

Прорежется ли нежность?)

И не борись, и не зови,

И жизнь была не сладкой...

(Как в лихорадке уходить

И жить, как в лихорадке?)

Минуты лет, секунды дней —

Стремительность желаний...

(Быть может, сам ты – лицедей

В словах-иносказаниях?)

Депрессия, хандра, застой,

Спелёнутые лица...

(Очароваться простотой

И в простоту излиться?..

Весь мир объять и олюбить

Хотя бы часть вселенной:
От аскетизма до гульбы,
Но – холодной Селены?..)

Случайность женской красоты,
Изысканность холода...
(Занять бы где-то чистоты —
Умрешь без поцелуя.)

В Ка-Бэ

Рвут программу,
«десять дней квартал кормят».

Рвут программу,
чертежи – «по аккордной».

Рвут программу,
копировщица Таня
над рулоном трижды выгнулась станом.

Рвут программу,
контролер – наш Никита.

Сто листов!
и вид у парня побитый.

А ведущий (стаж вырос без исканий):
– Все исправим в заводских испытаниях.

Рвут программу —

спец. заказ Генерального.
Рвут программу —
за неделю квартального.
Рвут программу —
пот накапал на графики
эпиграммой проектной полиграфии.

Зав. отделом (кальки чиркая подписью):
– Эх, ребята, премиешкой опоимся!
Снимем сразу «Ленинград» или «Советскую»,
пусть там девушки зудят,
что мне на пенсию.

Рвут программу
беспринципно и опытно.
Все – по гранулам
и средне – до копоти.

Два проекта отсундучились в Лету.
– Ну, Валерка, не сердись, на конфету!
Все понятно:
«нтузиазм» молодежный,
но таланты
не окупят одежду.

А Валерка им в лицо:
– Крысы ватманные.
– Всех рвачей и подлецов —
автоматом бы...

И такой был скандал... две недели
разбирались все с Валеркой в отделе.
И теперь рвут программу,
но косятся:
опасаются утечки информации.

Ату его!.. Ату!

– Ату его! Ату!
Не травля, но потрава.
На грязь, на чистоту?
Кто левый, а кто правый?
Пойми и... «камень брось, кто без греха»,
Как некогда сказал Христос.

Но я не верю,
Что прав Христос, что люди – звери,
Что не дрожит рука, когда идет потрава.

Но снова, как волной,
Как вышибают двери ногой,
Как рушат все основы,
Вдруг человек становится толпой,
Готовой жечь леса и травы.

Невежество от праистоков вечно,

От быта одноклеточной судьбы,
Как познаваемое не конечно,
Так не конечен быт.

И в нем всегда – бахвалы и глупцы,
Юродивые титулов и рабства,
Уроды-дети, лгущие отцы
И матери, впадающие в бабство.

И сколько раз уже твердили нам:
Невежество – страшнее преступлений,
Но снова, как волной,
Как вышибают двери – ногой,
Как рушится терпение,
Вдруг человек становится толпой,
Готовой смять любое мнение.

Кликушам – наплевать на чистоту,
Мир пошлости – ползуч, как метастазы.
А по нему, как серпантин экстаза,
Летит огул:
 «Ату его!.. Ату!..»

Неофициальная точка зрения на всеобщее увлечение и любовь Генсека конца 60-х XX века

ХОК-КЕЙ!

При и бей!

Телевизоров экраны,

Как тараны бьют по глазу.

– Форвард! Ты поддай-ка газу!

Много ль надо для людей? —

Хоккей!

Блеск коньков, как блеск клинков, —

Хоккей!

Мысли – вроде пустяков, —

Не смей!

Кто там с пушечным ударом?

Ну-ка, вмажь!

Мускулы растил недаром,

Нежность – блажь!

Хоп и Трах! И шайба – пулей

Между глаз.

Эко морду вздуло дулей

У вас.

Сталь и клюшка, цвет и скорость!

Смелей!

А за что же-ж мы боролись?

За – хоккей!

Полосатые арбитры – как резиною набиты,

Прыг – скак!

Где им пол, где потолок?

Кто сегодня не для битвы – сбит с ног.

– Ребра! Ребра в переборку

Р-р-раздави!

Мама! Ты не смыслишь в спорте,

Не дури!

Спорт – для высшего порядка костей!

Обывателю зарядка – хоккей!

Хари, вопли, блицы, рожи,

Лоб запрятался под кожу,

Челюсть выдвинута ложей, —

Кто зверей?

– Слюни! Слюни подбери-ка!

Как азартно, так двулико —

Хоккей!

Защищает честь страны хоккей?

Разве кто-то эту честь промеж бровей?

Массовее нету спорта для масс?

Масс, сидящих у экрана третий час?

Может, что-то не хватает для души?
Может, мысли и дела нехороши?
Не спеши рвать все в клочья, не спеши,
Пощекочешь нервы ночью от души

И орет молокосос вразнос:
Форвард, смажешь —
Вырву... или нос!
Политическую шайбу забей!
Здесь тебе не зал ООН,
А Хоккей!

У кого-то ноют раны?
Кто-то мучается дрянью?
К черту – дней!
Все на взмах забыто сразу,
Много ль надо для людей?

Модерновую заразу,
Современную проказу,
Акробатику экстаза...

Алкоголь понятен сразу,
Но хоккей?..
Здесь политика страстей.

...Так писал и думал я много дней,
А теперь жалею старый хоккей.

Работа

Работа, работа, работа —
Смешенье идей и принципов.
Мысли исходят потом,
Бессонница – первым признаком.

Работа, не догмы ментора,
Стихия под внешней сдержанностью,
Вынашиваешь аргументы,
Как женщина носит первенца.

Споры, завалы споров,
Расчеты – косыми строчками.
Среди налипшего сора
Шевелятся первоисточники:

Философы и провидцы,
Стяжатели и оболтусы,
Тяжелые, как правительства,
И скользкие, словно подлости,

Изысканные писаки,
Салонные болтуны —
По моде, то в стиле хаки,
То цвета морской волны.

Моральная импотенция —
Фильтрованные очки
Махровыми полотенцами
Развешена на крючки.

...Оправдана ограниченность
И массовостью и прочностью.
Зачем успокоенным взвинченность?
Зачем устоявшимся творчество?

Зачем расходовать нервы
В довольстве своей судьбой?
Зачем мастодонтам небо?
Уставшим – зачем любовь?

А рядом кто-то предельный
Командует: «Марш по компасу!»
И снова давит на мнение
Авторитетом корпуса.

И снова идешь в работу,
Забыв о любви сказать,
До коликов ли, до рвоты,
До чертиков ли в глазах —

Работа, работа, работа...
Издергаешь день до дна,
И слышишь, как бьется аорта,
Гудящая,

как струна.

4. Предохранительные клапаны

№ 1

А у нас сегодня праздник-распроказник!
А у нас сегодня Света – как комета!
А у нас сегодня Мишка – как мальчишка!
Даже строгий Витя Корень – раззадорен!

Поцелуи в полусне парадной,
Жадные, до ломоты в зубах,
Чей-то смех, неясный и нескладный,
Ломтик апельсиновый в губах,

Танец – так что в дрожь идут фужеры,
Чернь волос в разбросе по плечам:
Веселятся по субботам инженеры,
Позабыв о должностях на час.

Инженеры, славные ребята,
Вы, конечно, – техники солдаты
И еще такая ж чепуха.
И на час отброшено пока,

Что у Светы будет сын от Мишки,

А у Мишки – дом и свой мальчишка,
И у Вити тоже есть заботы:
Выглядеть солидным на работе.

К черту все! Сейчас идет разрядка,
Каждый с мыслями своими – словно в прятки,
И запрещено помнить беды разные.

Вот какой сегодня праздник-распроказник,
Грустный.
А у вас?

№ 2

Снова десять шагов, снова сто —
Невский мокрым асфальтом вылизан,
Под ногами – зеркальный простор
Фонарями и звездами вынизан.

В лужах теплится жидкий неон,
Фары луч по граниту режется,
И размытые пятна окон
На промокшем асфальте нежатся.

Полководцы из темных бронз
Приздумались пьедестально,
В темных глыбах монокристалльных —

Отголоски великих гроз.

По мерцающим площадям,
По блестящим путям трамвайным,
Я иду, словно втянут в тайну
Поклоненья ночным огням.

Под косыми крылами крестов,
По гранитам, в туман рдеющим, —
Снова десять шагов, снова – сто,
Словно в царстве плыву Берендеевом,

Словно гонит меня из стен
Дождь весенний – каналья лукавый.
В нарушении всех систем
Ночь встречаю в кольце каналов.

№ 3

Ее стихами не начнешь,
Ее бы надо прозой.
Какие, к богу, туберозы?!
Не женщина, а завитая вошь
(сотрудница моя, что сзади).
И надоела же мне за день,
Как в спину воткнутая брошь!

Сначала вертится, вздыхает,
Затем ворчит: чем я плохая,
Чем это я не нравлюсь вам
По вечерам и по утрам?
(Все это от безделья маясь)
Тогда, не выдержав, срываюсь.

Я говорю ей: Краля!
Хотите, я вас задифференцирую
и проинтегрирую,
А захочу, возьму производную,
Чтоб знать, какая от вас «косая».
Краля, вы передо мной совсем босая,
Словно принимаете процедуру водную:

Нет ни бюстгальтера, ни штанишек,
Кого копируете? Марию Мнишек?
Леди Хамильтон? Куртизанок Рима?
Краля, вы думаете, что вы – Прима?
А вы – совсем наоборот,
Как в банке заформалиненный урод.

У вас даже не голова, а курдюк.
Я бы предпочел бурдюк,
Пусть даже пустой,
не наполненный вином.
Мне бы вас не увидеть сном, —
испугаюсь, краля!

Краля, из какого же вы короля
В моей... действительности?

№ 4

Деньги вы, деньги!
Проклятые деньги!
Кто-то скупает бронзу и бренди,
Кто-то – путевки в Рио и в Кению...
Ах, деньги вы, деньги,
Проклятые деньги!

Аккредитивов в руках не держал я,
Подпись в кредитках не ставил державно,
Не настригал режиссерских купонов
Прибылью кинопрокатных законов.

Только,
болтаясь с копеечкой в кармане,
Меря метры вдоль линий трамвайных
(дней неухоженных, книг недокупленных,
счастий непрожитых, губ недолюбленных),
Крюю матросом, привязанным к стене:
Ах, мать вашу, деньги!
Проклятые деньги!

Резюме

Я грустный сегодня, простите, грустный.
Стихов не сделаешь из пустоты.
Затек в кривое мутное русло
Пустых страстей, бед, суеты,

Теку по ветру комочком пуха,
Куда потянет, туда и тянусь.
Слова тягучие шепчет в ухо
Моя славянски-синяя грусть.

Колышусь безвольный, как римская тога:
О чем-то мечталось, чего-то не смог,
А где-то под пылью заждалась дорога
Моих привычных к дорогам ног.

Я грустный сегодня, простите, грустный,
Виском больным приложусь к стене
И слышу, как город играет на гусях,
Тихо и жалобно...
Обо мне?..

Постановка вопроса

Мы – мальчишки на мотоциклах,
Скорость двинувшие вперед,
Мы, летящие в сферах цирков
Обывателю поперек,

Мы, в пыли одиозных строек,
В масле блюмингов и станков, —
Пусть испачкаемся – отмоемся
Резкой строчкой своих стихов.

Мы, считающие мезоны
И состав полимерных масс,
Мы – в безвестных режимных зонах,
Мы, неспетые, что – без нас?

Галактические скопления
Нам отыскивать в сентябрях,
Отрывать по листочку от времени,
Дважды тысячного календаря.

Мы – насмешливые хулители,
Резонеры и сорванцы,
Несозревшие, но мыслители,
Сыновья, но уже – отцы,

Не провидцы и не пройдохи,
С ожиданьем распахнутых глаз,
Мы, живущие, как на вздохе,
Мы – неспетые, что – без нас?

Мы – ваятели, мы – воители,
Пусть не выношенные, но умы,
Тридцатилетние обвинители,
Тридцатилетние обольстители,
Тридцатилетние руководители,
И мечтатели...

Кто же – мы?

5. Кто же мы, или Портрет одиночества в интерьере большого города

* * *

Тишина, тупая тишина.
В ухо молотком стучит будильник.
Комната: три стенки, два окна, —
Крупногабаритный холодильник.

Черное стекло ползет слезой,
Дождь по крышам и аллеям косит.
Мокрой обезлиственной лозой
По пустым бульварам свищет осень.

Телевизор, бледный глупый глаз,
Отключен, чтоб не гудел эфиром.
В этих стенах не хватает Вас,
Женщина неведомого мира.

А без Вас – ни света, ни пути,
И живешь какой-то мыслью задней.
Это значит – годы к тридцати,

День прошел, и измотался за день.

Это значит, – куришь до утра,
В семь встаешь, к постели тянет в восемь...
Осень, – трижды клятая пора,
Голая по крышам бродит осень.

* * *

Одиночество до боли...

Кажется, что в чистом поле
Дом стоит – дубовый лес,
И в камине пьяный бес
Плещет, мечется, резвится,
Камни лижет, жрет страницы
Дней, сожженных у него.

Вьюга снегом бьет в окно,
Воеет, стены обметает,
Ставни рвет, собак пугает,
И цыганка молодая,
Ожерельями играя,
На ковре у ног моих,
Словно верный дог, лежит.

И ко мне приходят гости,
Пьют вино, играют в кости,
Мечут карты на сукне...

Только это все – во сне,
Только это все – мечты.
Где-то, как-то ходишь Ты.
Наяву пустые стены
Кровь морозят в теплых венах,
В белых хлопьях снег висит,
За окном фонарь горит.

Голо, холодно, уныло,
Пахнет супом, кошкой, мылом,
Я – один, надеждой битый,
Старый Грин лежит открытым
На моем пустом столе.

Только вижу:
 дом стоит,
В очаге огонь горит,
И цыганка молодая,
Ожерельями играя,
На ковре у ног моих,
Словно верный дог, лежит.

И ко мне приходят гости,
Пьют вино, играют в кости,
Мечут карты на сукне...

Но зачем цыганка мне?

* * *

Подари прекрасное,
Сказку подари.
Надоело сбрасывать
Ритмы в сентябри,

Надоело кружевом
Виться по ночам,
Голосом простуженным
Сны чревовещать.

По осенним лужам,
В фонарях горя,
Голосом натужным
Ветры говорят.

Среди них, обманчивый,
Чистоту любя,
Желтым одуванчиком
Вытянешь себя.

Дунет ветер, сразу же —

Разлетишься в дым,
Легким и проказливым,
Тёплым, но немым.

От избытка нежности
Светится кристалл,
Но когда – заснеженный,
Но когда – устал...

Я устал приказывать
Лепесткам зари —
Подари прекрасное,
Сказку подари.

Маме

Ты не напишешь ей стихов и пышных од,
Ты спрячешь грусть и бантом взгляд завяжешь,
И чтобы не пугать,
ты никогда не скажешь,
с какими мыслями ты встретил Новый год.

Печаль

...Программа действия...

...и только лишь она...
...способна возродить...
...оглохшее болото...
...Но сколько ни старайся, не понять,
...что здесь есть долг, а что – работа.

Но как искать, когда искать нельзя?
Когда безвольно каждое движенье?
Когда из крови общества изъят
пульс жизни,
вместо – только унижение?

И сколько ни пытаться, ни искать,
Ни будоражить нервы никотином,
Все лишь черно: и признанная знать,
И чернь черна, и дети не безвинны...

Так мы живем: стремиться – никуда,
Любить – ничто и ненавидеть чинно,
И тонут в серой тине города,
И люди умирают беспричинно.

Печаль моя, пройдешь ли ты? когда?
Иль неужели в этих зимах темных
По-прежнему мне будут города
Казаться скопищем бездомных?

Я – Я?

Я – бредовый?... Я – непутевый?...

Еще какой?...

Я все... «готовый»

Испить, прочувствовать, узнать.

Да, я безмерен в увлечениях,

Да, я беспамятен в прощеньях,

Да, я готов раздать себя —

Хотите в розницу ли, оптом, —

Я раздаю себя безропотно,

Когда берете вы любя.

Да, я бываю непрактичен,

В поступках часто не логичен,

Безудержен, гиперболичен,

И спутал ночь с началом дня...

И все ж вы любите меня?

А я – другой:

Я быстро жил и прожил,

Поторопясь, обманную бурду,

В стремительности ободрал всю кожу,

По жизни – голым по лесу иду:

Мне даже воздух,

Как спиртОвый «ожег»,
Мне даже листья —
Бритвами по коже,
Мне даже женщина —
Грибница с ножиком:
На взмах глазами режет на ходу.

Такой я слабый?... Нет.

... И прочен, как кистень,
И слаб, как влажность глаза,
И жёсток, как кремьень,
И рыхл и резок сразу,

И где-то не успею,
И как-то исстрадаю,
Чего-то не допью,
Кому-то не додаю,

И взять бы – да невмочь,
Сберечь бы – да не скуп,
В покой бы – не забыть
Ни рук её, ни губ,

И хочется всего,
И можетя по-разному,
И трудно, и легко,
И труженик, и праздный, —
Такой я разный...

А вы другие?.. Что ж!..

И все еще – ищу,
Все еще верю: будет.
Теперь уж не кричу,
Сыграв десяток судеб,
И не горжусь собой.

Теку ль с толпой,
Запрусь ли в комнате,
Пирушка ль у друзей,
Вином наполните ль,
Или я всех трезвей,

Какой успех, какие неуспехи,
Случалось, – радость от потехи,
Смеюсь, грущу,
В самозабвенье спорю
Или фиглярничаю с горя, —
Тебя ищу...

.....

...Четыре стенки – много ль нужно для себя?
И снова не понять, куда теку я.
Вчера, казалось, обнимал Тебя,
Проснулся – обнимал совсем другую.

Куда ж нам плыть?.....

..... Без поцелуя...

6. Порыв

Разговор не с книгопродавцем о поэзии

– Слушайте, начальники, отпустите сегодня
от всех этих гаек, болтов и трансмиссий.
Сегодня, видите ли, зачесалась ода,
И нет желания присутствовать на комиссиях.

Завтра – хотите? – я выжму вдвое,
А если надо и втрое выжму.
Хотите, и заново спланирую Трою
Или рассчитаю моцартовские фижмы.

У меня – застой, инженерии заклинило,
Думать только стихами хочется.
Но мне отвечают:
– Трудовая дисциплина
Создана не для индивидуального творчества.

Ты, говорят, если не можешь,
Сделай вид, чтоб другим неповадно.
А вольность – концепция опасно сложная
И в рамках организации будет накладна.

Ты, конечно, наверняка отработаешь
Все эти дни, часы, и минуты,
Но вот для нас начнутся заботы
По утихомириванию возможной смуты.

Сегодня – тебе, а завтра другие
Напрутся валом организованным.
А за такие дела – по вые,
И – грош цена нам, «непрозОрливым».

Ну, понимаешь, – в глаза заглядывая,
Брови сведя от убежденности —
Мы для тебя и душою рады бы,
Но факт – налицо: работа и отвлеченность.

Видишь, вон та, с томностью в плечах,
Тело уже рыхлее теста,
Она же первая побежит сообщать
О твоём уходе с рабочего места.

Не раз сократить хотели медузу,
Делает втрое меньше положенного,
Но она каким-то путем нехоженым
Пролезла, мымра, в обком профсоюза.

А нашего Сенова – ты ж знаешь Сенова? —
Сделали замом, кому это надо?
Его бы – в стойло, охапку с сеном бы,
И был бы лучшим производителем стада.

Но он, понимаешь, кандидатскую высосал
(Три года без отпуска, сам себя съел),
У двери дубовой покаянно выстоял,
Еще покрутился, где надо, и сел.

И был неглупый парень как будто,
И с чувством юмора, и с сообразительностью,
А теперь регистрирует в курилке минуты
И думает, что этим поднимет производительность.

Я предлагаю: – Я – сам, на свой риск,
Учту и характеры, и субординацию.
Но мне отвечают: – Ну, это – писк
Для нашей стабильно жующей организации.

Мы понимаем: ты – голова отчаянная,
Но вдруг попадешься Главному?!.. Случайно?!..
...А я уже не говорю, а думаю: Эх, начальники,
Вам бы не людьми руководить...
а чайниками.

К музе

...И живешь, как – по течению,
Говорят: «в струе».
Но себя ограничение, —

Метель

Когда мой город впутан в канитель,
Когда в глазах читаю дух измены,
Когда дворцы стоят в налете тлена,
Зову метель, красавицу-метель.

Приди, метель, приди!.. Взбунтуй! Вскрути!
Взволнуй сердца в угрюмом этом городе!
Быть может, здесь единственная ты
Достойна быть любовью гордого.

В тяжелых стенах, в грудах куполов
Одна ты рвешь свои седые косы,
Поправ законы глиняных богов
И бронзы в гнилях купоросов.

Одна ты в убежденной красоте
И в ярости, отточенной до стали,
Летишь над всем в открытой наготе,
Сметая груды догм и правил.

Плевать тебе на зеркала окон,
На мраморы казенных учреждений.
Ты бьешь их вдрызг матерым кулаком
Своих соленых убеждений.

Хлещи в глаза, завейся в площадях,
Какофонируй в трубах водосточных
Среди зависших в мелочных страстях,
В изгибах мыслей худосочных.

Гуляй навзрыд, по-русски, нараспах, —
Синкопами по прибалтийским далям.
Когда никчемна мысль, убог размах,
То есть порыв и правда есть в скандале.

Пируй, метель! Неистовствуй! Ори!..
Над глупостью в издевках изгаляйся!
Твой зов сегодня – яростней мортир,
Призывней петербургских вальсов.

Кривляйся! Я с тобою заодно,
Петрушка твой и скоморох твой верный,
В твоих седирах открываю дно
И высоту орущих горлом нервов.

Кричу, распялив рот до мозжечка:
Пусть будет Хай!.. Я очищаю поры
От грязи дня, от дури простачка —
Набухшая, пусть лопнет сердца спора.

Пусть завтра мне придет уйти в тебя,
В твои седины из лоскутных смерчей,
Уйду и буду выть, твой пир любя,
Но не тепло, молчаньем обеспеченное.

Бунтуй, метель! Роженица-метель!
Свивай в умах мятежных смерчей кольца!
Сквозь рвань бумаг и через боль потерь
Я вижу завтра, город, снег...
И Солнце....

*Вот и прекрасно, что мы столкнулись с
парадоксом, значит, есть надежда на прогресс.
Нильс Бор*

7. Осознание

Другу

Бывает часто —
 в рваных сутках
Проснешься, словно в удилах.
Сыграл ли кто-то злую шутку,
Природа ль рано родила?

Темно.
Ночь продувает сквозь окно
Холодные ворсинки ветра,
И сантиметр за сантиметром
Надежды падают на дно.

...Бывает трудно, очень трудно
Себя по жизни проводить,
От будней продвигаться к будням,
Обманываться, но любить,

Свергать свои же идеалы,
Хулить устои, – слишком малы,
Тычки от жизни получать,
Уметь стерпеть, уметь смолчать,

Бежать в друзей, от них – в себя,
В работу, музыку и книги,
В сомненьях видеть носик фиги,
Жить без любви и не любя.

Какие мы? Что – правда нам?
В какую истину мы верим?
Идем по чьим-нибудь стопам
Или свои пути вымериваем?

Хотим ли что-то для других
Или себе признанья ищем?
Людей процеживая тысячи,
Какими будем мы для них?

Любовь была, сомненья, дети...
Что впереди?

Рассвет ли светит
Или оглохшее ничто?
Какие мысли нас заметят?
Какое мужество отметит?
И чья любовь всех нас прочтет?..

... Вопросы – пересмотром дней,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.